

А. Л. Смышляев

НАРОД, ВЛАСТЬ, ЗАКОН В ПОЗДНЕРЕПУБЛИКАНСКОМ РИМЕ

(По поводу концепции Ф. Миллара)*

Современные представления об олигархическом характере политического строя Поздней республики, как известно, во многом основываются на классической работе М. Гельцера¹. В ней доказывалось, что нобилитет – немногочисленная замкнутая группа потомков консулов – осуществлял безраздельное господство в народном собрании и в сенате с помощью всеохватывающей сети патронатно-клиентских и дружеских связей, богатства и унаследованного от знаменитых предков престижа. Не имея никаких формальных привилегий, он фактически обладал всей полнотой власти в Римском государстве и мог передавать ее по наследству из поколения в поколение. Последователи М. Гельцера разработали концепцию родовых или лидерских группировок знати, объясняющую как именно ее социальное могущество конвертировалось в политическую власть². В итоге в зарубежной историографии к середине XX в. главным содержанием политической жизни Поздней республики считалась борьба за власть между различными фракциями нобилей, и история древнего Рима отождествлялась с историей его правящего класса³.

Однако исследования последних десятилетий позволяют усомниться в корректности такого подхода. По мнению многих современных историков, роль патроната в политической жизни Поздней республики была сильно преувеличена М. Гельцером и его последователями. Патронатные связи нобилитета, видимо, никогда не охватывали большинство граждан, голосовавших в комициях, а в условиях быстрого развития товарно-денежных отношений и социальных пертурбаций эти связи не были столь жесткими и устойчивыми, как раньше: клиенты (за исключением вольноотпущенников) могли менять своих патронов или иметь по несколько патронов и выби-

* Статья напечатана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (код проекта – 02-06-80115). Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою признательность Ф. Миллару и Э. Линтотту, благодаря любезности которых я смог познакомиться с их недавно изданными работами, посвященными политическому и конституционному строю Поздней республики.

¹ *Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Lpz – B., 1912 (2. Aufl. Stuttgart, 1983) = idem. Kleine Schriften. Bd I. Wiesbaden, 1962. S. 15–135. Английский перевод Р. Сигрепа: Gelzer M. The Roman Nobility. Oxf., 1969.*

² *Münzer Fr. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920; Schur U. Scipio Africanus und die Begründung der römischen Weltherrschaft. Lpz. 1927; Scullard H. Roman Politics 220–150 B.C. Oxf., 1951. О лидерских группировках или «партиях вождей» см. Syme R. Roman Revolution. Oxf., 1939; Taylor L.R. Party Politics in the Age of Caesar. Los Angeles, 1949. Общую характеристику связанного с этими монографиями подхода можно найти в работах: Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 45 слл.; Wallace-Hadrill A. Patronage in Roman Society: from Republic to Empire // Patronage in Ancient Society / Ed. A. Wallace-Hadrill. L. – N.Y., 1989. P. 68 f.*

³ По словам одного из самых авторитетных антиковедов Британии Р. Сайма, в Риме «какой бы ни была форма правления или ее название, за фасадом таилась олигархия, и история республиканского или императорского Рима – это история правящего класса» (*Syme. Op. cit. P. 7*).

рать, кому из них подчиняться, когда их приказы противоречили друг другу; они могли также предпочесть интересам патрона собственные интересы или «общественное благо». Патронат, таким образом, не был ни единственной, ни главной базой власти римской аристократии, и его не следует рассматривать как ключ к римской политике⁴. То же самое в значительной мере относится и к группировкам внутри нобилитета. Будучи обычно небольшими и гибкими, они имели не родовую, а сугубо индивидуальную основу, не являлись достаточно прочными и долговечными и в силу этого могли служить довольно ограниченными целям: их проще было использовать для борьбы за высшие магистратуры, чем для осуществления какого-либо политического курса⁵.

Наконец, К. Хопкинс и Г. Бартон доказали, что представление о нобилитете как о замкнутой наследственной знати не вполне соответствует действительности. Для римской элиты двух последних столетий республики характерна довольно высокая как восходящая, так и нисходящая социальная мобильность. На протяжении всего этого периода (или, иначе говоря, в шести поколениях) только 4% семей, выходцы из которых достигли высшей магистратуры, имели предка-консула в каждом поколении. Вместе с тем 32% консулов сумели добиться этого поста, не располагая ни предками, ни родственниками – консулами. Немало сыновей и братьев консулов и преторов не только не достигли этих магистратур, но и вообще не заседали в сенате. Таким образом, аристократическое происхождение и помощь знатных родственников, хотя и предоставляли лучшие возможности для политического старта, сами по себе не являлись достаточным условием политического успеха. Результаты выборов зачастую были непредсказуемыми, и знатым соискателям магистратур случалось проигрывать простолюдинам⁶. По мнению этих авторов, во II–I вв. до н.э. наряду с нестабильной «циркулирующей элитой» в Риме существовала сравнительно прочная «внутренняя элита», куда входили те 40% от общего числа консулов, у которых отец и дед также достигли высшей магистратуры. Таким образом, аристократия, способная к воспроизводству своего политического верховенства на протяжении нескольких поколений, составляла не всю политическую элиту, а только ее ядро⁷. Господствующее положение этой элиты в позднереспубликанском Риме не исключало сохранения там значительного демократического элемента. И хотя Рим ни в каком смысле не был демократией, тем не менее римский народ представлял собой такую политическую силу, которую нельзя было игнорировать⁸.

Разумеется, с учетом всего этого утверждать, что деятельность комиций находилась под жестким контролем нобилей, уже не приходится. Итак, назрела необходимость либо внести существенные коррективы в сложившуюся на основе работ М. Гельцера и его последователей парадигму, либо полностью от нее отказаться⁹. Наиболее решительным сторонником последнего подхода является один из самых авторитетных современных исследователей истории древнего Рима Ф. Миллар¹⁰,

⁴ *Rouland N. Pouvoir politique et dependance personnelle dans l'antiquité romaine. Genèse et rôle des rapports de clientèle (Collection Latomus № 166). Bruxelles, 1979. P. 258 suiv.; Brunt P.A. The Fall of the Roman Republic and Related Essays. Oxf., 1988. P. 30 ff.; 382 ff.; Wallace-Hadrill. Op. cit. P. 69 ff.; Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. Oxf., 1999. P. 178 ff.*

⁵ *Seager R. Factio: Some Observations // JRS. 1972. 62. P. 53 f.; Brunt. Op. cit. P. 36 ff., 443 ff.; Lintott. The Constitution... P. 170 ff.*

⁶ *Hopkins K., Burton G. Political Succession in the Late Republic (249–50 B.C.) // Hopkins K. Death and Renewal. Camb., 1983. P. 32 ff., 45, 55 ff., 66, 113.*

⁷ *Ibid. P. 62, 112 f., 117.*

⁸ *Ibid. P. 114.*

⁹ Как справедливо отметил Дж. Патерсон, «мы нуждаемся в радикально новой истории республики» (*Patterson J. Rev.: Jakobson A. Elections and Electioneering in Rome: A Study in the Political System of the Late Republic. Stuttgart, 1999 // JRS. 2002. 92. P. 230*).

¹⁰ Об основных направлениях творчества и достижениях этого выдающегося ученого см. Фергюс Г.Б. Миллар // ВДИ. 1999. № 4. С. 223; *Смышляев А.Л. Римская императорская власть эпохи принципата в современной зарубежной историографии // РЖ. Общественные науки за рубежом. Серия 4. Государство и право. 1991. 5. С. 69 слл.*

считающий, что надо «вернуть римскому народу принадлежащее ему место в истории демократических ценностей»¹¹. По его мнению, в монографии М. Гельцера при всех ее несомненных достоинствах дается искаженный образ политической жизни республиканского Рима, поскольку автор сосредоточивает свое внимание только на тех ее аспектах, которые работают на его концепцию, и в соответствии с этим отбирает свидетельства источников. Кроме того, формулируя свой главный вывод о ключевой роли патроната и политической «дружбы» в приобретении и распределении политической власти, М. Гельцер идет гораздо дальше, чем это позволяют приведенные им свидетельства. В итоге его концепция оказывается в значительной мере основанной на априорных предположениях, а не на конкретных данных источников¹². Ф. Миллар предлагает отвергнуть точку зрения Гельцера о существовании однородной элиты (или «аристократии»), контролирующей народ посредством сети патронатных отношений, и начать все заново, рассматривая римскую общину и политическую систему не сверху вниз, а снизу вверх¹³.

Характеристике политического строя Римской республики исследователь посвятил монографию¹⁴ и четыре статьи¹⁵, охватывающие период с IV до середины I в. до н.э. Эти статьи недавно переизданы в первом томе трехтомника его избранных работ¹⁶. Они включены во вторую часть этого тома «Римская республика»: гл. 3–6 (с. 85–182)¹⁷ и даны не в порядке выхода в свет, а в соответствии с освещаемыми в них эпохами римской истории. В гл. 3–4 разбирается период с IV и до середины II в. до н.э., примерно соответствующий так называемой Средней республике. В следующих двух главах речь идет о последнем столетии республики (150–50 гг. до н.э.), которое в западной историографии нередко именуют периодом Поздней республики. Монография Ф. Миллара посвящена последним трем десятилетиям Республики (80–50 гг. до н.э.), т.е. тому же времени, которое более кратко затрагивается в гл. 6 «Политика (или политическая деятельность) народа в Риме в период Поздней республики» (с. 162–182). Таким образом, политический строй республики рассматривается в динамике, а не в статике, и главное внимание уделяется периоду, наиболее полно освещенному в источниках.

И монография, и статьи (за одним единственным исключением)¹⁸ подготовлены на основе лекций, прочитанных Ф. Милларом в различных университетах и научных обществах за пределами Оксфорда. Они и по форме напоминают лекции с их минимальным научным аппаратом и нередкими повторениями основных тезисов. По утверждению автора, они представляют собой легкие очерки или эссе, написанные в полемическом ключе, и предлагают один из способов, с помощью которых можно рассматривать политический процесс в этот период: не претендуя на роль полного сбалансированного обзора, они служат не более чем односторонним вкладом в неза-

¹¹ *Millar F. Rome, the Greek World, and the East. V. I. The Roman Republic and the Augustan Revolution* / Ed. H.M. Cotton, G.M. Rogers. Chapel Hill – London, 2002 (Studies in the History of Greece and Rome). P. 158.

¹² *Millar. The Roman Republic...* P. 92, 111, 124 ff., 145 f.; *idem. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998* (Jerome Lectures, 22). P. 7 ff.

¹³ *Millar. The Roman Republic...* P. 92 f.

¹⁴ См. выше прим. 12.

¹⁵ *Millar F. The Political Character of the Classical Roman Republic, 200–151 B.C.* // JRS. 1984. 74; *idem. Politics, Persuasion and the People before the Social War (150–90 B.C.)* // JRS. 1986. 76; *idem. Political Power in Mid-Republican Rome: Curia or Comitium?* // JRS. 1989. 79; *idem. Popular Politics at Rome in the Late Republic // Leaders and Masses in the Roman World: Studies in Honor of Zvi Yavetz* / Ed. J. Malkin, L.W. Rubinsohn. N.Y., 1995.

¹⁶ См. выше прим. 11. Еще два тома находятся в печати: *Millar F. Rome, the Greek World and the East. V. II. Government, Society and Culture in the Roman Empire*; V. III. *The Greek World, the Jews and the East.*

¹⁷ Часть I «Концепции и источники» и часть III «Августова революция» заслуживают отдельного разбора и в этой работе не рассматриваются.

¹⁸ Статья «Political Power in Mid-Republican Rome...» (соответствующая гл. 3 в сборнике) написана в жанре статьи-рецензии (review article) как отклик на две работы по ранней истории Рима, однако Ф. Миллар вместо характеристики этих работ излагает в ней свои соображения о политическом строе Рима в IV–III вв. до н.э.

конченный диалог, материалом для политического анализа, который будет подготовлен кем-либо другим¹⁹. В соответствии с таким предварительным характером своего исследования Ф. Миллар очень осторожен в выводах к отдельным работам, избегая по возможности четких формулировок и однозначных утверждений, а общих выводов по всему периоду IV–I вв. до н.э. он вообще нигде не дает. При этом, однако, во всех его работах наряду с общим подходом и ракурсом исследования имеются также общие лейтмотивы, позволяющие рассматривать эти труды как единое целое и констатировать наличие в них единой концепции.

По мнению Ф. Миллара, главным явлением политической жизни республиканского Рима были не выборы высших магистратов, а издание законов, устанавливающих обязательные для всех правила политической борьбы, регламентирующих деятельность должностных лиц и иногда даже определяющих персональный состав некоторых из них²⁰. В силу этого наибольшее политическое значение имели не центуриатные комиции, связанные с избранием высших магистратов, а трибутные – самый демократичный вид народного собрания, – основной функцией которых было издание законов²¹. Центральное место в политической жизни занимал Римский форум, где открыто и гласно рассматривались и решались важнейшие вопросы государственной жизни²². Рядовые граждане, собиравшиеся на Форуме для участия в политических митингах (*contiones*), где обсуждались законопроекты, и в работе трибутных комиций, принимавших законы, обладали реальной законодательной властью²³. Кроме того, в качестве участников судебных комиций (*iudicia populi*) или зрителей, образующих окружение (*coepa*) заседавших на форуме судов присяжных (*quaestiones perpetuae*), они оказывали значительное (а нередко даже решающее) воздействие на ход судебных процессов. Зачастую именно к ним обращались ораторы, выступавшие в судах присяжных, а сами эти суды во многом походили на политические митинги (*contiones*)²⁴. Таким образом, главной фигурой политической жизни республиканского Рима был не могущественный патрон, манипулирующий массой послушных клиентов, а оратор, способный убеждать в своей правоте собравшуюся на Форуме толпу²⁵.

Наряду с этими особенностями, характерными для всей эпохи в целом, Ф. Миллар выделяет специфические черты, присущие каждому из двух рассматриваемых им периодов. По его мнению, на основании имеющихся в нашем распоряжении свидетельств невозможно создать сколько-нибудь связную и надежную реконструкцию истории Рима до осады и взятия Вей на рубеже V и IV вв. до н.э.²⁶ Но и история следующих двух столетий может быть восстановлена лишь в самых общих чертах и главным образом с помощью ретроспективного подхода, поскольку ретроспективными являются почти все относящиеся к ней свидетельства. Поэтому необходимо начать с «исторического» периода, проведя ревизию наших собственных концепций этой эпохи, и затем двигаться назад, выясняя, какие типы социальной и политической структуры можно предположительно реконструировать исходя из того, что мы находим на каждом этапе²⁷. В соответствии в этим Ф. Миллар начинает свое исследование

¹⁹ Millar. *The Roman Republic...* P. 143; *idem*. *The Crowd in Rome...* P. IX, 4.

²⁰ *Idem*. *The Roman Republic...* P. 94 f., 99 ff., 123, 144, 151 ff., 166, 169 f., 173, 178; *idem*. *The Crowd in Rome...* P. 54, 69, 138, 209 f., 217.

²¹ *Idem*. *The Roman Republic...* P. 139, 166, 170 f.; *idem*. *The Crowd in Rome...* P. 19, 24, 48, 92, 204, 206.

²² *Idem*. *The Roman Republic...* P. 90 f., 108, 141 f., 171, 179; *idem*. *The Crowd in Rome...* P. 19, 25, 31, 38 ff., 44, 57 f., 71, 87, 111 f., 117, 120, 123, 125 f., 136, 147, 170, 191, 214, 220, 224.

²³ *Idem*. *The Roman Republic...* P. 99, 149; *idem*. *The Crowd in Rome...* P. 49.

²⁴ *Idem*. *The Crowd in Rome...* P. 13, 57, 91, 178, 217.

²⁵ *Idem*. *The Roman Republic...* P. 112, 124, 136, 142, 150, 158, 161, 178, 180 f.; *idem*. *The Crowd in Rome...* P. 92, 224 f.

²⁶ *Idem*. *The Roman Republic...* P. 87 ff.

²⁷ *Ibid*. P. 104, 107.

дование политического строя Средней республики с эпохи Полибия и Сципионов, а не с эпохи Камилла и Аппия Клавдия Цека.

В статье «Политический характер классической Римской республики, 200–151 гг. до н.э.», опубликованной в 1984 г., Ф. Миллар рассматривает период, «представляющий классическую фазу действия римской конституции» – время плавного функционирования всех институтов в условиях внешней и внутренней стабильности, когда так называемая борьба сословий осталась позади, а новая эпоха крупных конституционных реформ, смут и кризисов еще не наступила²⁸. Главная цель статьи – доказать, что Полибий в своей оценке характера римского государства был прав, а его современные критики ошибаются²⁹. Рассматривая вслед за Полибием «монархическую» магистратуру, «аристократический» сенат и «демократический» элемент, представленный комициями, Ф. Миллар выделяет в качестве подлинных центров власти здание сената, Комиций и Форум³⁰. Он отмечает, что хотя в представлении народов Средиземноморья римские командующие – консулы и преторы – обладали едва ли не царской властью и на равных поддерживали общение и вели переговоры с царями, тем не менее их полномочия были ограничены римской конституцией. Свою власть они получали от народа, выделение же сил и средств для ее осуществления, а также продление годового срока ее действия (пророгация) полностью зависели от сената. Все их соглашения с чужеземными правителями подлежали ратификации сената, а нередко и народа. Отличившиеся полководцы зависели от сената, назначавшего триумфы, а проштрафившиеся – от народа, разбиравшего в судебных комициях выдвинутые против них обвинения. И хотя на практике далеко не всегда удавалось добиться эффективного контроля за командующими, все же реальные ограничения «монархического» элемента были, по-видимому, еще более значительными, чем считал Полибий³¹.

Вслед за другими историками Ф. Миллар отмечает центральную роль сената (the centrality of the role of the Senate) в политической жизни классической Республики и указывает, что было бы неверно рассматривать все функции сената как совещательные³². Сенат не только контролировал деятельность римских полководцев, но также имел важные полномочия в области внешней политики и управления италийскими союзниками Рима, поскольку был единственным органом власти, принимавшим италийских и чужеземных послов и отправлявшим римских послов в чужие страны. Во II в. до н.э. он начинает издавать инструкции, адресованные италийским и провинциальным общинам³³. И хотя его неверно было бы называть правительством, поскольку сам этот термин применительно к античному городу-государству представляет собой анахронизм, тем не менее сенат осуществлял ряд правительственных и можно даже сказать парламентских функций³⁴.

Вместе с тем, как отмечает Ф. Миллар, наиболее важные вопросы, такие, как объявление войны и заключение мира, зависели от народного голосования. Народ, принимая соответствующие законы, постоянно вмешивался и в решение италийских дел, особенно при распределении земельных наделов, выведении колоний и распространении прав римского гражданства³⁵. Но точно так же он действовал и в самой римской общине. С помощью законов народ устанавливал правила, регулирующие все аспекты общественной жизни и деятельность магистратов, а на избирательных комициях определял их персональный состав³⁶. Конечно, голоса в народном собрании, рядовые граждане подвергались влиянию сверху, а иногда (как, например, во

²⁸ Ibid. P. 110 f.

²⁹ Ibid. P. 111.

³⁰ Ibid. P. 112.

³¹ Ibid. P. 113 ff., 117 f.

³² Ibid. P. 132.

³³ Ibid. P. 114 ff., 119 f.

³⁴ Ibid. P. 115, 132 f.

³⁵ Ibid. P. 115, 120 ff.

³⁶ Ibid. P. 122 ff.

многих случаях объявления войны или заключения мира) просто ратифицировали предложения, выдвинутые магистратами в соответствии с постановлениями сената³⁷. На пути участия широких народных масс в политической жизни имелось немало препятствий: фактическое ограничение круга лиц, занимавших высшие должности, представителями узкого социального класса, досадный разрыв между обычаем группового голосования и проживанием значительного числа граждан далеко от Рима, классовая стратификация центуриатных комиций, примитивная система открытого устного голосования, ограниченная доля граждан, которые могли реально принимать участие в голосовании, характерные для этого периода очевидное отсутствие классового сознания и наличие политического соглашательства и почтения к рангам³⁸. Однако оценивая эти факты, следует иметь в виду и то, сколь обширен круг вопросов, которые нельзя было решать без народного голосования, и то, что, по мнению самих римлян, решения, принятые на комициях, исходили именно от народа, и то, что принимались они в обстановке гласности и открытости и, как правило, после предварительного обсуждения на политических митингах (*contiones*), и то, что влияние сверху было чаще всего конкурентным и, следовательно, разнонаправленным, а осуществлялось оно главным образом путем убеждения и с помощью ораторского искусства, и то, что у народа была возможность выбора и очень трудно было предсказать заранее, каким именно окажется этот выбор³⁹.

Говоря об особенностях влияния сверху и его субъекте, Ф. Миллар затрагивает вопрос о характере римской элиты. По его мнению, пора отказаться от старых априорных представлений о наследственной «знати», аристократических факциях и всеохватывающей сети зависимости и клиентелы⁴⁰. Он отмечает, что римский род (*gens*) в рассматриваемый период не представлял собой сколько-нибудь значимого социального института с известным составом родичей, определенными функциями или общими интересами, а занятие высших должностей, судя по исследованию К. Хопкинса и Г. Бартона⁴¹, не было наследственной монополией какой-либо замкнутой социальной группы, хотя детям консулов легче было достичь консулата, чем остальным претендентам. Сам термин «патрицианско-плебейская знать» вводит в заблуждение, поскольку «*nobilis*» и «*nobilitas*» были не техническими терминами, обозначающими замкнутую и определенную в правовом отношении группу, а всего лишь описаниями, появившимися впервые, видимо, только в позднереспубликанской литературе⁴². Постоянная демонстрация заслуг предков, погребальные речи и игры, роскошные триумфы и строительство общественных зданий – все это показывает, насколько представители выдающихся семей зависели от симпатий широкого круга избирателей, и заставляет усомниться в том, что они могли манипулировать электоратом с помощью патронатно-клиентских связей. И хотя благодарность клиентов, получивших защиту патрона-адвоката в суде, могла пригодиться во время выборов, тем не менее ни в одном источнике не указано прямо, что клиент был обязан голосовать за своего патрона⁴³ или тем более за политического союзника своего патрона⁴⁴. Помощь друзей и родственников в политической борьбе была общественно признанной практикой. Известно несколько выдающихся деятелей, которые опирались на друзей и сторонников, отстаивая свою позицию в сенате. Однако нет свидетельств о более крупных группировках или партиях типа «Сципионовой» или «Фульвиевой», которые охватывали бы значительную часть 300 членов сената и существовали бы на протяжении не-

³⁷ Ibid. P. 112, 115.

³⁸ Ibid. P. 140.

³⁹ Ibid. P. 112, 123 f., 136 f., 140 ff.

⁴⁰ Ibid. P. 141.

⁴¹ См. выше прим. 6.

⁴² Millar. The Roman Republic... P. 126 f.

⁴³ Поскольку в нашем распоряжении нет ни одного текста, в котором перечислялись бы все обязанности клиента по отношению к патрону, *argumentum e silentio* не кажется мне в данном случае корректным.

⁴⁴ Millar. The Roman Republic... P. 131.

скольких поколений⁴⁵. Для политика, добивавшегося чего-либо от сената или народа, умение убеждать аудиторию в своей правоте было, по всей видимости, важнее, чем поддержка друзей или клиентов. Немалое значение при этом наряду с красноречием имело и содержание тех крупных политических вопросов, которые были предметом дебатов, и то, как они затрагивали интересы населения⁴⁶.

Все это позволяет отказаться от устоявшихся априорных представлений и рассматривать общественную жизнь классической республики как арену, на которой те, кто добивался высших должностей или занимал их, соперничали перед толпой, указывая, если могли, на своих прославленных предков, используя красноречие для защиты граждан, демонстрируя свои военные победы. Сражаясь с политическими противниками в судебных комициях или проводя новые законы в трибунных, они пускали в ход умение убеждать. Им приходилось участвовать в дебатах не только и не столько в сенате, сколько под открытым небом на Форуме перед постоянно находившейся там толпой. Именно она символизировала и представляла, пусть и несовершенным образом, суверенную власть римского народа⁴⁷.

Таким образом, из трех элементов конституции классической республики Ф. Миллар выделяет в качестве ведущих сенат и комиции, подчеркивая вслед за Полибием главенствующую роль сената⁴⁸. И хотя, по его мнению, такую систему вряд ли можно назвать демократией, тем не менее власть народа была одним из значительных факторов политической жизни, а Рим во многих отношениях походил на классическую афинскую демократию больше, чем мы позволяем себе думать⁴⁹.

Написанная в сугубо полемическом ключе с непривычными, а подчас даже шокирующими положениями и выводами статья Ф. Миллара – первая из нескольких его работ о политической жизни республиканского Рима – вызвала оживленный отклик и инициировала назревшую и очень полезную дискуссию. С резкой критикой основных положений этой статьи и ее методологической базы выступил Л. Буркхардт – убежденный сторонник концепции М. Гельпера. Он отметил, что Ф. Миллар ведет дискуссию главным образом на институциональном уровне, не принимая в расчет влияния социальной сферы на политическую, что он не уделяет должного внимания не только неформальным, но даже и некоторым формальным средствам воздействия политической элиты на рядовых граждан и прелестиям для активного участия народа в политической жизни. По его мнению, нобилитет контролировал деятельность комиций и направлял ее в нужное для себя русло⁵⁰. Однако благодаря законодательным функциям комиций многие важные политические вопросы становились предметом общественного разбирательства, и правящей элите приходилось объяснять рядовым гражданам необходимость и полезность принимаемых решений. В силу этого нобилитет не мог позволить себе заниматься политической деятельностью, полностью оторванной от интересов народа⁵¹. Последнее утверждение предполагает наличие взаимного (пусть и асимметричного) контроля и влияния и слабо согласуется с устоявшимися представлениями. Таким образом, полемизируя с Ф. Милларом и другими современными исследователями, Л. Буркхардт был вынужден внести значительные коррективы в ту концепцию, которую он защищает и отстаивает.

Почти одновременно со статьей Ф. Миллара вышла статья Э. Линтотта с немислимимым еще совсем недавно названием «Демократия в Средней республике»⁵². Она также посвящена характеристике строя Рима при Полибии и содержит во многом

⁴⁵ Ibid. P. 133 ff.

⁴⁶ Ibid. P. 135 ff.

⁴⁷ Ibid. P. 141 f.

⁴⁸ Ф. Миллар отмечает, что Полибий, желая одним словом определить характер политической системы Рима, называет ее «аристократической (23. 14. 1)» (Ibid. P. 141).

⁴⁹ Ibid. P. 111 f., 139 ff.

⁵⁰ Burckhardt L.A. The Political Elite of the Roman Republic: Comments on Recent Discussion of the Concepts *nobilitas* and *homo novus* // Historia. 1990. XXXIX. 1. P. 89 ff.

⁵¹ Ibid. P. 98.

⁵² Lintott A. Democracy in the Middle Republic // ZSS. 1987. 117.

сходные выводы. По мнению автора, римский народ в эту эпоху не имел прямого отношения к выработке и принятию внешнеполитических решений, но был вправе выражать на комициях свое согласие с самыми важными из них. Он также принимал путем голосования правила в делах, непосредственно затрагивавших его «домашние интересы», т.е. связанных с распределением земли, долговым вопросом, распространением римского гражданства, уголовным и отчасти гражданским правом. В итоге комиции претендовали на решающее слово в том, что касалось их собственной свободы и процветания, не стремясь (как это делал афинский демос) к руководству управлением Города и его империи. В этом отношении римская конституция эпохи Средней республики напоминала умеренные формы демократии, о которых с одобрением писал еще Аристотель⁵³.

Основные выводы статьи Ф. Миллара получили поддержку и у таких корифеев современного антиковедения, как Ф. Уолбэнк, П. Брант и Дж. Норт, хотя двое последних сопроводили свое согласие существенными оговорками, отметив в частности, что тот уделяет чересчур много внимания формальным, «конституционалистским» моментам⁵⁴. В целом можно отметить, что первая работа Ф. Миллара, посвященная характеристике политического строя Римской республики, оказалась созвучной новым взглядам на эту проблему и повлияла на их дальнейшее становление и развитие.

В статье «Политическая власть в среднереспубликанском Риме: Курия или Комиции?», опубликованной в 1989 г., Ф. Миллар сформулировал свои представления о характере политического строя Рима в IV–III вв. до н.э., т.е. в эпоху, когда были созданы либо приобрели свою устоявшуюся форму и функции многие институты Римской республики⁵⁵. Для адекватного понимания политической жизни этого времени необходимо, по мнению Ф. Миллара, отказаться от необоснованных утверждений М. Гельцера и начать исследование заново снизу вверх, т.е. в первую очередь – с широких масс римского народа. И если раньше историки этой эпохи имели обыкновение рассматривать ее в неверном направлении, концентрируя свое внимание на Курии, которую правильнее было бы считать относительно маргинальным и аномальным институтом, то теперь следует рассматривать то, что было центром власти в Риме, т.е. Ростры, Комиции и Форум в целом⁵⁶. Таким образом, вместо того чтобы попытаться преодолеть односторонний подход М. Гельцера, его предлагается заменить прямо противоположным, а взамен неправильных априорных предположений рекомендуется руководствоваться правильными.

Избранный ракурс исследования, требующий рассматривать политическую структуру Рима в направлении от Комиция к Курии, а не наоборот, позволяет, по мнению Ф. Миллара, сосредоточить внимание на самом главном аспекте политической жизни – утверждении народного суверенитета с помощью законодательства. Ведь именно оно свидетельствует о том, что и конституционная структура государства, и условия деятельности, а также обязанности должностных лиц зависели от решений, принимаемых народом на комициях⁵⁷.

По мнению Ф. Миллара, представление о доминировании в IV–III вв. до н.э. «патрицианско-плебейской знати» основывается на недостоверных свидетельствах поздней исторической традиции. Если же обратиться к ретроспективному методу, приняв за основу более надежные данные о римской элите II–I вв., то нельзя будет сколько-нибудь уверенно говорить не только о каком-то господстве «патрицианско-

⁵³ Ibid. P. 49 f.

⁵⁴ Walbank F.W. Polibius' Perception of the One and Many // Leaders and Masses in the Roman World: Studies in Honor of Zwi Yavetz / Ed. J. Malkin, L.W. Rubinson. N.Y., 1995. P. 221 f.; Brunt. Op. cit. P. 18. Not. 33; North J.A. Democratic Politics in Republican Rome // Past and Present. 1990. 126. P. 10, 15 f.

⁵⁵ Millar. The Roman Republic... P. 89.

⁵⁶ Ibid. P. 90 ff.

⁵⁷ Ibid. P. 98.

плебейской знати», но даже и о самом ее существовании. Историю Средней республики можно и нужно прочитать «прямо противоположным образом», рассматривая ее как процесс постепенного ограничения власти должностных лиц путем подчинения их государственным правилам и, одновременно, постепенного усиления необходимости для отдельных лиц представлять себя в лучшем свете перед народом и сражаться с соперниками за его благоволение⁵⁸. О последнем свидетельствует возведение в IV–III вв. до н.э. на Комиции и собственно на Форуме многочисленных памятников римских побед и свершений, напоминавших всем гражданам о заслугах и подвигах римских полководцев⁵⁹. Таким образом, история Средней республики по Ф. Миллару – это история все более полного утверждения господства народа в римском государстве и соответственно превращения Комиция в центр власти, а Курии – в относительно маргинальный аномальный институт.

Складывается впечатление, что полемизируя со своими оппонентами Ф. Миллар приходит прямо к противоположным выводам на основе такого же, как у них, сугубо одностороннего подхода и соответствующих приемов аргументации. Ведь согласиться с его доводом о роли законодательства в утверждении власти народа можно, только исходя из априорного предположения, что принимаемые комициями законы выражали волю и интересы большинства римских граждан.

Но судя по размеру Комиция, принимать пассивное участие в обсуждении законопроекта на митинге (*contio*) в III в. до н.э. мог только один из 100 граждан, голосовать в комициях – один из 30 и лишь в исключительно редких случаях – один из 12 или 15 граждан⁶⁰. Как известно, вплоть до Гракхов голосование в законодательных комициях было открытым и его участники нередко подвергались давлению со стороны «первенствующих граждан»⁶¹. Наконец, законопроекты выдвигались их инициаторами – магистратами на утверждение народа, как правило, лишь после их обсуждения и одобрения сенатом. В противном случае народные трибуны в силу сложившегося обычая должны были, используя право вето, воспрепятствовать их принятию (*Liv.* 38. 36. 8; 45. 21. 5)⁶². Неудивительно, что из множества законов, изданных до эпохи Гракхов, мы можем назвать только шесть, принятых без предварительного сенатского одобрения⁶³. Интересно также, что из законопроектов, одобренных сенатом, почти ни один не был отклонен комициями. Конечно, можно предположить, что такое единство сената и комиций отражало единство интересов элиты и рядовых граждан, но даже и в этом случае напрашивается вывод не о господстве народа, а о его равноправном партнерстве с сенатом. Вполне возможно, что в период Средней республики законодательная функция комиций еще не имела того значения в политической жизни, какое она приобрела позднее⁶⁴.

Говоря об особенностях аргументации Ф. Миллара, нельзя не обратить внимания на то, как он использует ретроспективный метод, столь важный, по его мнению, для реконструкции истории IV–III вв. до н.э. Он прибегает к нему для характеристики римской элиты этого периода и «забывает» о нем, когда речь заходит о сенате. При Поли-

⁵⁸ *Ibid.* P. 104 ff.

⁵⁹ *Ibid.* P. 101 ff.

⁶⁰ Число участников самых многолюдных народных собраний на Форуме не могло превышать 20 000 человек (*Millar. The Crowd in Rome...* P. 37, 223 f.). Граждан в III в. до н.э. насчитывалось примерно 250–300 тыс. (*Nicolet C. Rome et la conquête du monde méditerranéen.* 264–27 av. J.-C. T. 1. Les structures de l'Italie romaine. 3e éd. P., 1987. P. 89).

⁶¹ *Трухина.* Ук. соч. С. 159 сл.; *Yakobson A. Secret Ballot and its Effects in the Late Roman Republic // Hermes.* 1995. 123. 4. P. 426 ff. Ср. *Millar. The Crowd...* P. 26 f.

⁶² Следует отметить, что из этого правила возможны были исключения, связанные с «домашними» интересами римского народа.

⁶³ *Nicolet.* *Op. cit.* P. 381.

⁶⁴ Полибий, говоря об источниках влияния народа на государственную жизнь, в первую очередь указывает на право награждать и наказывать (VI. 14. 4–10), т.е. выбирать магистратов и вершить суд, и лишь после этого упоминает о праве народа принимать или отвергать законы (VI. 14. 10–11). Ф. Миллар, столь внимательный ко всем указаниям Полибия, не обращает внимания на этот нюанс.

бии, как он справедливо отметил в своей более ранней статье, сенат занимал центральное положение в политической жизни. Перечисляя там же «подлинные центры власти», на первое место он поставил Курию⁶⁵. Разумеется, используя ретроспективный метод при таких исходных данных, трудно прийти к выводу о Курии как о маргинальном институте. Можно констатировать, что Ф. Миллар так же, как и его оппоненты, игнорирует факты, которые противоречат его концепции. Поневолe вспоминается известное выражение, что крайности всегда сходятся. Мне кажется, что представление Ф. Миллара о характере политической власти в Риме IV–III вв. до н.э. более соответствует избранному им ракурсу исследования, чем свидетельствам источников.

Свою характеристику Поздней республики Ф. Миллар начинает с опубликованной в 1986 г. статьи «Политика, убеждение и народ перед Союзнической войной (150–90 г. до н.э.)». Так же как и его первая работа по данной тематике, опубликованная двумя годами раньше, эта статья вызвала положительный отклик у многих известных антиковедов⁶⁶.

Шесть десятилетий, о которых идет речь в этой работе, были, по мнению Ф. Миллара, периодом острого кризиса римского государства, породившего новые и обострившего старые конфликты и противоречия, вызвавшего усиление законодательной активности, а также своеобразный литературный бум как в жанре политической полемики, так и в историографии. Все это позволяет создать выписанную во всех деталях модель того, как функционировала римская политика и каково было ее содержание перед Союзнической войной⁶⁷.

Свидетельства, которыми мы располагаем, в значительной мере исходят от Цицерона. Используя их, отмечает Ф. Миллар, надо иметь в виду, что они отражают реакцию на происходящее и устремления как самого автора, так и людей, разделявших его взгляды. Но они не являются ни описанием реально существующей политической системы, ни выражением тех ценностей, на которых она основывалась. Представления Цицерона о том, что сенат должен играть руководящую роль в процессе принятия политических решений, а государство - находиться под политическим контролем сената, пользовались гораздо большим успехом у потомства, чем у его современников. Некритическое отношение к сообщениям Цицерона привело к формированию и широкому распространению в историографии нашего времени неосознанных априорных представлений о сенате как о разновидности парламента, который осуществлял полномочия правительства (a sort of parliament, which exercised the powers of government). Эта неосознанная фикция коллективного парламентского правления, осуществляемого сенатом, затушевала центральную роль гораздо более важного взаимоотношения между «одним» и «многими» – отдельным оратором и/или должностным лицом, с одной стороны, и толпой, с другой стороны. И хотя мы не можем не смотреть на эту эпоху глазами Цицерона, остаются два других пути к идеям, воплощенным в принятых народом законах: в первую очередь с помощью тех из этих законов, которые дошли до нас в надписях, во вторую – с помощью речей, обращенных к народу⁶⁸.

Характеризуя особенности исследуемого им этапа римской истории, Ф. Миллар отмечает распад относительного единства внутри правящего класса, что привело к вынесению на рассмотрение народа политических и конституционных предложений, чрезвычайно различающихся по своему идеологическому содержанию⁶⁹.

⁶⁵ По мнению Полибия, тот государственный строй, который он застал в Риме, не претерпел за последние три столетия никаких существенных изменений (*Polyb. VI. 11. 1; Walbank. Op. cit. P. 214*). Таким образом, в своей характеристике Средней республики Ф. Миллар расходится не только с ливианской традицией, но и с Полибием.

⁶⁶ Приведенные выше отзывы на первую статью Ф. Миллара относятся также и к этой его работе.

⁶⁷ *Millar. The Roman Republic... P. 143 f., 148 ff.*

⁶⁸ *Ibid. P. 148, 150, 155.*

⁶⁹ *Ibid. P. 149, 160.*

Это в свою очередь способствовало расколу между рядовыми гражданами и социальными верхами. Под воздействием ораторов-популярлов народ начинает неприязненно относиться к сенаторам, ведущим роскошный образ жизни, подозревать их в том, что они наживаются, торгуя римскими государственными интересами⁷⁰. Все это ведет к более активному участию народа в делах государственного управления и прежде всего к расширению сферы законодательного регулирования. Теперь его объектом стал почти каждый аспект государственной жизни, и характерно в этом отношении, что законы устанавливают правила для должностных лиц и дают им детальные инструкции. С помощью законов, принятых по предложению народных трибунов, рядовые граждане вмешиваются в те сферы государственного управления, которые ранее были прерогативой сената, например, в распоряжении государственными финансами, управление провинциями, в решении внешнеполитических вопросов⁷¹. Тем, кто приходит на Форум, чтобы принять участие в обсуждении законопроектов и голосовании, принадлежит реальная законодательная власть. Принимая или отвергая законы, народ руководствуется собственным пониманием своих интересов. Характерно, что все законопроекты, расширяющие конституционные права латинских граждан и италийских союзников, были либо забаллотированы, либо даже не поставлены на голосование, а все те, которые ограничивали эти права, были приняты⁷². Такая линия поведения свидетельствует о силе народного стремления к сохранению исключительных прав народа на осуществление политической власти⁷³.

Нетрудно заметить, что созданная Ф. Милларом новая модель функционирования римской политики напоминает Афины времен Перикла и Демосфена. Главными действующими лицами римской политической жизни в соответствии с этой моделью являлись влиятельные и красноречивые политики (народные вожди) и всевластный народ, осуществлявший общее руководство государством и стремившийся контролировать деятельность всех органов государственного управления. Ф. Миллару, безусловно, удалось выявить и наглядно представить многие существенные особенности нового этапа римской истории – эпохи Гракхов и Сатурнина. Вместе с тем в его работе, посвященной этой эпохе, остается немало неясного и спорного. Вторая статья Ф. Миллара в отличие от первой представляет собой не картину, выписанную во всех деталях, а эскиз со слабо прописанным фоном. Непонятно, какую роль играл в политической жизни сенат. Имел ли он по-прежнему, как и при Полибии, некоторые важные политические функции, которые в наше время принадлежат правительству и парламенту? Или же отныне они, так же как и в Афинах, оказались у народного собрания, а Курия превратилась в маргинальный и аномальный институт, уступив центральное место на политической арене Комицию? Можно ли видеть в неоднократных вторжениях народа в традиционную сферу деятельности сената свидетельство появления новой системы государственного управления, или это – всего лишь сбои и нарушения в работе старой системы, вызванные острым политическим кризисом? Ф. Миллар, по всей видимости, придерживается первого, мне же более верным кажется последнее. Трудно понять, каким образом комиции с присущими им характерными особенностями, отличающими их от афинской еkkлeсии, могли выполнять те же самые функции, что и она. Спорным также представляется образ Цицерона как беспечного прожектера. В речах популярлов, адресованных народу, которые Ф. Миллар предпочитает свидетельством Цицерона, мы также находим не описание реально существующей политической системы, а лишь реакцию на происходящее и устремления как самих ораторов, так и тех, кто разделял их взгляды. В текстах сохранившихся законов можно обнаружить бесценную информацию о власти (*potestas*) народа и магистратов, но напрасно было бы надеяться узнать что-либо

⁷⁰ Ibid. P. 152 f., 157.

⁷¹ Ibid. P. 152 ff.

⁷² Ibid. P. 149, 151 f., 158 ff.

⁷³ Ibid. P. 161.

существенное о политическом влиянии (*auctoritas*) сената, поскольку оно не могло быть предметом законодательного регулирования⁷⁴. Таким образом, отбор источников сам по себе уже предполагает определенные выводы о роли в политике Курии и Комиция.

В статье и монографии Ф. Миллара, опубликованных соответственно в 1995 и 1998 годах и посвященных заключительному этапу истории Римской республики, одновременно подводятся итоги его работы по этой тематике. Цель монографии – понять структуру политической деятельности в республиканском Риме с точки зрения роли народа, а также продемонстрировать центральную роль в римской политике митингов на открытом воздухе (*contiones*), поместив тем самым римский народ или толпу, которая его олицетворяла, в центре нашей картины римской системы⁷⁵. Период, которому посвящены обе работы, полнее освещен в источниках, чем любой другой в истории древнего мира. Он охватывает последние три десятилетия республики, начиная с отречения Суллы от власти (80 г. до н.э.) и заканчивая переходом Цезаря через Рубикон (49 г. до н.э.). Первое десятилетие связано с борьбой против установленного Суллой политического режима и завершается в 70 г. до н.э. крушением господства сената и восстановлением суверенной власти народа. Последнее пятилетие (55–50 гг. до н.э.) – время упадка «политики народа (*populart politics*)», т.е. политики, которая формируется и осуществляется на Римском форуме на митингах (*contiones*) и в комициях при участии широких народных масс. Расцвет «политики народа» приходится, таким образом, на 60-е и первую половину 50-х годов I в. до н.э.

Эта политика связана с вмешательством народа путем издания законов во все области государственной жизни, со стремлением его поставить под свой контроль деятельность должностных лиц, управление провинциями, отношения с союзными государствами, процесс завоеваний и аннексий и, наконец, распоряжение всем достоянием и доходами римского государства. Она вела к постепенному сосредоточению власти в руках отдельных лиц и в конечном счете – к гибели республики и установлению монархии⁷⁶.

Условия, в которых формировалась и осуществлялась «политика народа», коренным образом изменились после Союзнической войны. По цензу 70 г. до н.э. численность римских граждан возросла с 400 до 900 тыс. человек. Теперь набор в легионы и составление ценза проводились не только в Риме, но и на местах, в италийских муниципиях, однако голосование по-прежнему было возможно только в самом Городе. Таким образом, Римская республика в административном и в политическом отношении становится чем-то вроде национального государства, а в конституционном – остается нуклеарным городом-государством⁷⁷. Отныне активное участие в государственных делах было возможно лишь для незначительной доли граждан: даже в самых многолюдных комициях мог принимать участие только один из 45, обычно же она была меньше, а доля тех, кто участвовал в *contiones*, была еще в несколько раз меньше⁷⁸. Доминирующим влиянием в комициях теперь пользуются 300 тыс. граждан, которые живут в самом Городе или его ближайших окрестностях. Из них в свою очередь в наиболее благоприятном положении оказались те, кто живет или работает недалеко от Форума или в тавернах, расположенных на самом Форуме⁷⁹. Поскольку множество граждан, переселившихся в Рим, по-прежнему числится и голосует в своих сельских трибах, городской плебс Рима, ранее голосовавший только в

⁷⁴ Исключением из этого правила можно считать закон Цецилия Дидия (98 г. до н.э.), уполномочивший сенат аннулировать законы, принятые комициями с процедурными нарушениями. Этот закон стал политическим оружием оптиматов (*Lintott. The Constitution... P. 62, 104, 210; idem. Violence in Republican Rome. 2nd ed. Oxf., 1999. P. 134 f., 140 f.*).

⁷⁵ *Millar. The Crowd in Rome... P. 1, 95.*

⁷⁶ *Ibid. P. 2.*

⁷⁷ *Ibid. P. 27 ff.*

⁷⁸ *Ibid. P. 37, 223 f.*

⁷⁹ *Ibid. P. 30 ff., 37.*

четырёх трибах, отныне может использовать для собственной выгоды право голосования, принадлежащее всему гражданству⁸⁰. Уже в 60-х годах решения, принятые комициями, нередко идут вразрез с настроениями и интересами большинства римских граждан. Об этом свидетельствуют провал законопроекта Сервилия Рулла и движение Катилины, который в Риме оказался в полной изоляции, тогда как за его пределами пользовался поддержкой множества граждан⁸¹. Аномальные могущество и привилегии городского плебса в Риме представляли собой фундаментальное противоречие поздне-республиканской системы⁸². Разношерстная толпа, занимавшая Форум, имела весьма косвенное отношение к основной массе римских граждан, но именно она считалась римским народом и принимала ответственные решения от его имени. Политика народа постепенно перерождалась в политику толпы. Главное отличие этой толпы от всякой иной в других исторических обществах заключается в том, что она не ограничивалась демонстрацией общественного мнения, деструктивным насилием или протестом против действий какого-либо суверена. Разделенная по трибам, эта толпа и была сувереном, причем единственным сувереном в римском государстве, а во многих отношениях – также и действенным «правительственным органом»⁸³.

Подводя итоги своего исследования в последней главе «Римская толпа: какая разновидность демократии?», Ф. Миллар указывает, что для правильного понимания проблемы надо проводить различие между тремя разными вещами: 1) формальными структурами Поздней республики; 2) социальными реалиями участия или неучастия в этих структурах и 3) осуществлением власти, убеждения и насилия между теми индивидами и группами, которые принимали такое участие⁸⁴. С точки зрения формальных структур ясно, что конституция римской *res publica* делала ее одной из разновидностей демократии⁸⁵. Сложнее обстоит дело с двумя другими параметрами, поскольку еще многое остается неясным в отношении механизмов социального воздействия представителей «элиты» на участников голосования. В заключение Ф. Миллар отмечает, что сила народной составляющей в римской политической традиции заключалась в числе прочего в ее настоятельном требовании, чтобы общественные функции осуществлялись на глазах народа. Слабость ее, как доказывает история Поздней республики, в том, что требование наглядного действия и публичной речи на Форуме означало, что состав того хрупкого меньшинства, которое вследствие своего присутствия на Форуме «представляло» весь римский народ, определялся либо случайными обстоятельствами, либо воздействием со стороны заинтересованных групп. Тем не менее, как бы ни колебались мы, позволяя называть демократией систему со столь глубокими структурными слабостями и противоречиями, главный довод, выдвигаемый в этом исследовании, заключается в том, что при любой оценке Римской республики необходимо принимать во внимание власть толпы⁸⁶.

По всей видимости, Ф. Миллар считает, хотя и с существенными оговорками, что политический строй поздне-республиканского Рима был демократическим не только *de iure*, но и *de facto*⁸⁷. Эти оговорки связаны с узурпацией римской толпой власти и полномочий всего римского народа. То, что в период расцвета «политики народа» сама эта толпа не только царствовала, но и правила, а *contiones* и законодательные комиции играли главную роль в политической жизни и государственном управлении, не вызывает у него сомнений. Однако, как замечает он сам, дать верную оценку

⁸⁰ Ibid. P. 36, 48, 150.

⁸¹ Ibid. P. 101 ff.

⁸² Ibid. P. 104.

⁸³ Ibid. P. 35, 215; *idem*. The Roman Republic... P. 179 f.

⁸⁴ Millar. The Crowd in Rome... P. 208.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid. P. 225 f.

⁸⁷ Несколько ранее он характеризует политический строй Рима этого времени как «республиканскую структуру с ярко выраженными демократическими особенностями», явно имея в виду неформальные аспекты (Ibid. P. 125).

любому институту можно лишь с учетом контекста или контекстов, в которых тот функционирует⁸⁸. Мы можем утверждать, что *contiones* и комиции, собиравшиеся на Форуме, были центром политической жизни, только имея представление о том, какое место занимали в ней другие значимые политические силы и институты. К ним относились, по свидетельству Саллюстия, Цицерона⁸⁹ и многих других римских авторов, нобилитет и сенат. Но в обширной второй главе своей монографии, характеризуя социальный и политический контекст, в котором действовала римская толпа, Ф. Миллар упоминает о них лишь мельком. И в этом, и в других разделах он говорит о них походя и лишь для того, чтобы отметить их политическую и конституционную слабость после крушения режима, установленного Суллой. Говоря о классе римских должностных лиц (это название он предпочитает термину «аристократия»), Ф. Миллар указывает, что их прочное коллективное доминирование могло бы иметь место лишь в том случае, если бы среди них существовало единство принципов и подходов, но именно оно и отсутствовало в последние 30 лет существования республики⁹⁰. Однако сам же Ф. Миллар в своей статье «Корнелий Непот, “Аттик” и римская революция» отмечает, что последние десятилетия республики были временем перехода власти от сети выдающихся семей (*a network of prominent families*) в руки ряда сменявших один другого единоличных правителей⁹¹. Подчеркивая беспомощность сената, Ф. Миллар постоянно повторяет, что тот не был в каком бы то ни было смысле этого слова ни парламентом, ни правительственным органом⁹², толпа же, собравшись на Форуме и разделившись по трибам, выступала не только как суверен, но и как «действенный правительственный орган»⁹³. В этом отношении интересна трактовка, которую он дает волнениям римского плебса в конце 57 г. до н.э. в связи с навдвигающимся голодом. Как известно, разъяренная воющая толпа сорвала театральные зрелища, а затем окружила Капитолий, где в это время заседал сенат, и потребовала, чтобы тот принял неотложные меры. После того как сенаторы, обсудив ситуацию, издали постановление о назначении Помпея ответственным за продовольственное снабжение Рима, это решение было утверждено комициями в качестве закона⁹⁴. Ф. Миллар видит в этом эпизоде еще одно подтверждение слабости сената, поскольку тот не мог издавать законы⁹⁵. С этим трудно не согласиться, однако данный эпизод свидетельствует, на мой взгляд, еще и о том, что именно сенат был «действенным правительственным органом»⁹⁶. Толпа же вмешивалась в его деятельность, оказывала на него давление, а затем обеспечивала легитимацию принятых под этим давлением решений. Толпа, как мне представляется, узурпировала у римского народа не функции правительственного органа, а функции суверена, который может легитимировать наиболее важные решения других органов власти и управления⁹⁷ и даже вмешиваться по своему произволу в их деятельность, но не может на постоянной основе исполнять их функции.

Как справедливо заметил Ф. Миллар, данные, на которых он строит свои выводы, в силу особенностей наших источников и объективных сложностей, связанных с са-

⁸⁸ Ibid. P. 202.

⁸⁹ В написанном в конце 46 г. до н.э. письме к другу Цицерон (*Fam. IX. 15. 3*), сравнивая нынешние времена с прошедшими, говорит: «...ведь раньше мы сидели на корме и держали кормило, а теперь (т.е. при Цезаре. – А.С.) нам едва есть место в сентине (т.е. в нижней части трюма, служившей для стока нечистот. – А.С.)». Можно ли видеть в этом определении прежнего положения сенаторов всего лишь его устремления?

⁹⁰ Millar. *The Crowd in Rome...* P. 6.

⁹¹ *Idem. The Roman Republic...* P. 195.

⁹² *Idem. The Crowd in Rome...* P. 119, 133, 151, 156, 158, 209, 219; *idem. The Roman Republic...* P. 163 f.

⁹³ См. выше прим. 83.

⁹⁴ *Cic. Att. IV. 1. 4–6; Dom. 3.5–12.31; Dio Cass. 39. 9.*

⁹⁵ Millar. *The Crowd in Rome...* P. 156.

⁹⁶ Ср. Bradley K. Rev.: Millar F. *The Crowd in Rome...* // Phoenix. 1999. LIII. 1–2. P. 144 f.

⁹⁷ Именно этим объясняется особое положение городского плебса Рима при Августе и его преемниках, правивших «от имени народа».

мой тематикой, позволяют прийти и к другим решениям⁹⁸. Так, например, Ф. Пина Поло на основе предпринятого практически одновременно с Ф. Милларом тщательного исследования деятельности *contiones* в позднереспубликанском Риме и своего собственного понимания ее контекста пришел к прямо противоположным выводам⁹⁹. Последнее слово в споре о римской олигархии и демократии еще не сказано и вряд ли когда-нибудь будет сказано. Заслуга Ф. Миллара заключается в том, что он со свойственной ему решительностью и бескомпромиссностью обрушился на морально устаревшие представления, в очередной раз возмущив спокойствие ученого мира и оживив полемику, в ходе которой, как известно, рождается истина¹⁰⁰.

PEOPLE, POWER AND LAW IN LATE REPUBLICAN ROME

(On F. Millar's Conception)

A. L. Smyshlyayev

During the last decades scholars have criticized severely the traditional view that Roman nobility exercised its control over *comitia* through their obedient clients, and that the political system of the Roman republic in the 3rd–1st cc. BC was oligarchic in its essence. According to F. Millar, the most consistent critic of the traditional views, at that time Roman state system was a republican one with definite democratic traits. Its political life had its centre not at the Curia, but in the Forum, where *comitia* and *contiones* were held. Adopting laws, *comitia* exercised power over political life. The key figure of Roman political life was not the patron in command of obedient clients, but the orator trying to convince the crowd in the Forum. This crowd, representing «the Roman people», was the only sovereign ruler of the Roman state, and in some respect an efficient government body. Power and influence of this crowd were especially strong in the last decades of the Republic, but at that very time it began to lose its connection with the majority of the people and to express the interests of city mob or to serve as an instrument in the hands of influential politicians. Thus, popular politics degenerated into crowd politics, and republic was succeeded by monarchy.

In the author's opinion, F. Millar's conception is not free from contradictions. E.g. he seems to underestimate political influence of the aristocracy and the role of the senate in state government. Still, his ideas are more in line with modern view of Roman history, and its very existence helps to overcome the obsolete concepts.

⁹⁸ Millar. The Roman Republic... P. 164.

⁹⁹ Pina Polo F. Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik. Stuttgart, 1996. См. обстоятельную рецензию на эту монографию: Колосова О.Г. // ВДИ. 1999. № 4. С. 199–205.

¹⁰⁰ В этом отношении даже отдельные недочеты концепции Ф. Миллара могут обернуться ее достоинствами. Как справедливо отметил К. Брэдли, «противоречивые книги в конечном счете самые хорошие, благодаря порождаемым ими плодотворным реакциям» (Bradley. Op. cit. P. 146).